

Елена
СМЕЛИНА

ОТЕЦ ПАРНЯ
ТЫ МОЯ
навсегда

18+

Елена Смелина

**Отец парня. Ты моя
навсегда Часть 2**

«Автор»

2026

Смелина Е.

Отец парня. Ты моя навсегда Часть 2 / Е. Смелина — «Автор»,
2026

Я выхожу замуж. В белом платье, с чужим прошлым и тайной, о которой мы не говорим вслух. Этот брак должен был стать решением. Но Роман Савин возвращается — и всё, о чём мы договорились, перестаёт иметь значение. Потому что некоторые связи не разрываются. Даже если на них поставили точку. Эта книга — продолжение романа «Отец парня. Ты моя страсть»

© Смелина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Смелина

Отец парня. Ты моя навсегда Часть 2

Глава 1

Белое платье просторнее, чем должно быть у нормальной невесты. Я выхожу замуж, зная, что ношу под сердцем ребенка от другого мужчины. Держусь за ткань, чтобы не помять. Смотрю в зеркало, будто проверяю, не чужую ли девушку нарядили вместо меня.

Лицо бледнее обычного. Губы сухие. Под глазами тени, которые визажист старательно замазал, но свет все равно их выдает.

Подташнивает волной. Не так чтобы сразу бежать, но липко и неприятно, будто кто-то изнутри ладонью давит на горло.

– Аня, все хорошо? – мама появляется в дверях, уже в платье, собранная, только пальцы теребят край клатча.

– Нормально, – отвечаю и улыбаюсь так, чтобы это выглядело убедительно.

Ладонь сама ложится на низ живота. На секунду. Быстро. Как будто кто-то может увидеть, а мне нельзя.

Шум снаружи усиливается – голоса, шаги, чьи-то смешки. Дверь в коридор приоткрыта, там суета. Уже третий раз повторяют, что «время», «машины ждут», «надо выезжать». Словно кто-то боится, что я передумаю и исчезну, если оставят одну хотя бы на минуту.

Сергей заходит без стука и замирает на пороге.

Несколько секунд просто смотрит, не скрывая восхищения. Так, будто пытается запомнить. Белое платье, фату, меня – всю сразу.

– Ты... – он выдыхает и усмехается, качая головой. – Я даже не знаю, как ты согласилась за меня выйти.

Подходит ближе, осторожно, словно боится спугнуть. Пальцами поправляет прядь у виска, выбившуюся из прически.

– Поехали, – говорит мягко. – Я с тобой.

Я отступаю на полшага, чтобы не касался. Не резко. Просто чтобы между нами осталось пространство.

– Мы же договорились, – произношу спокойно. – Невеста должна ехать отдельно. Так... так положено.

Его челюсть дергается, но улыбка остается.

– Кому положено? – он тихо смеется. – Аня, я просто хочу быть рядом. Сегодня.

Я машинально провожу пальцами по серьге, проверяя застежку, и отвожу взгляд.

– Ты будешь рядом в ЗАГСе. Там и так все будут смотреть. Не надо еще и в машине.

Он внимательно наблюдает за мной, чуть хмурится.

– Ты нервничаешь, – говорит уже тише. – С утра бледная. Может, я зря тебя одну отпускаю?

– Нервничаю, – не спорю. – Поэтому и хочу поехать одна.

Сергей молчит несколько секунд. Смотрит куда-то мимо меня, будто взвешивает что-то внутри себя. Потом выдыхает – коротко, негромко.

– Хорошо, – говорит он и тянется к внутреннему карману пиджака. – Тогда хотя бы так. Он достает маленькую бархатную коробочку и протягивает мне. Не торопит.

Внутри – изящный браслет. Неброский. Дорогой. Такой, что не кричит о себе, но его замечают.

– Просто... – он пожимает плечами, словно оправдываясь. – Мне так спокойнее будет. Чтобы ты знала – я рядом. Даже если не рядом.

Я беру браслет, надеваю. Металл прохладный, приятно ложится на кожу.

Сергей смотрит, как он оказывается на запястье, и только потом кивает, будто решение принято окончательно.

– Тогда водитель мой, – говорит уже буднично. – И телефон держи включенным. Напиши, как выедешь. Потом еще раз, когда подъедешь.

– Сергей... – начинаю я.

– Напиши, – повторяет он спокойно, без нажима, но так, что спорить не тянет.

Подходит ближе, целует в щеку. Быстро. Почти формально. Так, как целуют на камеру, чтобы все видели, что все в порядке.

– Я буду ждать, – говорит он тихо.

В прихожей меня подхватывают девочки из института, мама суетится, кто-то поправляет фату. Я спускаюсь по лестнице, стараясь не смотреть вниз, чтобы не закружилась голова.

На улице прохладно. Воздух влажный. Лимузин, белый, длинный, глянцевый, стоит у подъезда. Водитель открывает дверь. Лицо незнакомое. Лет сорок. Вежливый. Сдержанный.

– Анна? – уточняет он.

Я киваю и забираюсь внутрь. Салон пахнет кожей и чем-то сладким, слишком насыщенным. Меня снова слегка мутит. Я открываю окно, крохотную щель.

Машина трогается плавно. Я достаю телефон. Пишу Сергею: «Выехала».

Ответ приходит мгновенно: «Жду. Не задерживайся».

Будто я могу управлять пробками.

Минут через двадцать мы встаем.

Сначала медленно ползем. Потом совсем – стоп.

Я выглядываю в окно: сплошная красная линия стоп-сигналов. Кто-то нервно сигналиит, кто-то вылезает на встречу. На перекрестке мигают аварийки.

– Что там? – спрашиваю.

– Авария впереди, – отвечает водитель ровно. – Объезд ищут.

– Мы опаздываем.

– Успеем.

Он говорит это слишком спокойно. Я смотрю на его руки на руле – крепкие, уверенные. На часы на панели. На свою ладонь, которой пытаюсь расправить складку на платье.

Становится душно. Я сглатываю, дышу через нос.

– Можно остановиться? – спрашиваю внезапно.

– Зачем?

– Мне... – я не заканчиваю. – Просто откройте окно.

Он нажимает кнопку. Окно открывается, впуская холодный воздух и шум улицы. Меня немного отпускает.

Я снова пишу Сергею: «Пробка. Стоим».

Ответ: «Выходи. Я сейчас подъеду».

Я смотрю на поток машин. На людей, перебегающих дорогу. На то, как водитель вглядывается вперед, будто не слышит сигналов сзади.

– Не надо, – печатаю. – Уже движемся.

И правда, поток начинает ползти. Мы сворачиваем во двор, режем через узкую улицу, потом снова выезжаем на проспект.

ЗАГС появляется неожиданно: светлое здание, украшенные двери, ленточки, шарики, люди с букетами и улыбками. Внутри на секунду становится пусто.

Я выхожу из машины. Платье шуршит. Каблук цепляет край ступеньки. Я хватаюсь за поручень и замираю – перед глазами на мгновение темнеет.

– Осторожно, – говорит водитель.

– Спасибо, – выдыхаю и иду к входу.

Внутри жарко. Пахнет духами, цветами и чужими ожиданиями. Гости уже здесь. Мамины знакомые, мои одноклассники, люди Сергея – уверенные лица, дорогие костюмы.

Ко мне сразу подлетает администратор.

– Анна, вы вовремя. Сейчас вас пригласят. Жених уже на месте.

– Можно... – я облизываю губы. – Можно минуту?

– Конечно. Только быстро.

Я киваю и почти бегом иду по коридору к туалету. Фата цепляется за чью-то сумку, я дергаю, слышу недовольный шепот, но не оборачиваюсь.

Дверь женского туалета хлопает за мной. Здесь тише. Только вода шумит в кране, кто-то шепчется в кабинке.

Я вхожу в свободную. Сажусь, закрываю глаза. Дышу. Пытаюсь успокоить тело.

Подхожу к раковинам. Лицо в зеркале еще бледнее. Я включаю холодную воду, смачиваю запястья, прикладываю к шее.

– Вам плохо? – раздается женский голос.

Я вздрагиваю. Рядом стоит женщина лет пятидесяти, аккуратная, в светлой блузке, волосы убраны в пучок. На лице спокойная улыбка, как у медсестры.

– Немного, – отвечаю честно.

– Давайте, – она берет меня под локоть, мягко, уверенно. – Вам нужно присесть. Тут душно. Сейчас выйдем, там прохладнее.

Я на секунду напрягаюсь.

– Я... я сейчас приду в себя, – пытаюсь отнять руку.

Она не сжимает сильнее. Просто держит, как страхуют человека, который может упасть.

– Не спорьте. Вы же не хотите выйти в зал зеленой. Жених испугается, – говорит она буднично и наклоняется ближе. – Вам нельзя так волноваться.

Фраза цепляет. Я поднимаю на нее глаза. Что-то в интонации слишком знакомое. Не ее.

Меня снова мутит. Мир качается. И я позволяю вывести себя из туалета.

Коридор расплывается. Чьи-то лица мелькают, но никто не смотрит. Все заняты собой. Музыка где-то впереди. Кто-то смеется.

– Осторожно, – говорит женщина и ведет меня к выходу боком, через дверь, которую я раньше не замечала.

На улице прохладнее. Меня обдает холодным воздухом, становится легче. Я делаю вдох глубже.

– Вот, – женщина подводит меня к темной машине, припаркованной сбоку, не у главного входа. – Садитесь. Там вода.

– Подождите... – я оглядываюсь. – Я должна...

– Вы должны сначала не упасть, – спокойно отвечает она и открывает дверь.

Я вижу внутри бутылку воды и плед на сиденье. Темную обивку. Вижу, как водитель, другой, не тот, что привез меня, смотрит вперед не оборачиваясь.

Я делаю шаг назад.

Женщина улыбается все так же ровно.

– Анна, – говорит она, будто мы давно знакомы. – Быстрее.

Меня накрывает новой волной дурноты, и в этот момент я выбираю не скандал. Не сцену у ЗАГСа. Не крики.

Я забираюсь внутрь, чтобы просто вдохнуть и прийти в себя.

Дверь закрывается с мягким хлопком.

Замки щелкают следом – уже не мягко.

Я дергаю ручку. Бесполезно.

– Эй... – голос выходит тонким. – Откройте.

Машина трогается.

Я хватаюсь за карманы – телефона нет. Сумки тоже. Только платье, фата и чужой плед.

– Куда вы меня везете? – пытаюсь говорить ровно, но слова срываются.

Впереди кто-то тихо вздыхает. И в салоне звучит низкий мужской голос, спокойный, без спешки:

– Вам нельзя волноваться.

Я прижимаю ладонь к животу, будто пытаюсь удержать то, что и так внутри.

И испуганно смотрю в темное стекло, где отражается мое белое платье.

Глава 2

Машина идет ровно, будто по рельсам. Ни рывков, ни резких торможений – только равномерный гул двигателя и шорох шин по мокрому асфальту.

Я снова дергаю ручку двери. Без толку. Пальцы дрожат, и от этого злость поднимается быстрее страха.

– Остановите, – говорю, стараясь держать голос ровным.

Впереди темный затылок, короткая стрижка, воротник куртки. Мужчина за рулем не оборачивается.

– Вам нельзя волноваться. Сейчас, – отвечает он спокойно, и в этом спокойствии слышится усталость.

Голос низкий, с хрипотцой, будто он недавно болел или долго молчал. Слова выходят с паузами, не уверенно, а бережно – так говорят тем, кто может упасть в обморок.

Прижимаю ладонь к животу и сразу же убираю, будто сама себя поймала.

– Куда вы меня везете? – требую. – Кто вы?

– Вам ничего не угрожает, – отвечает он. – Просто... не сейчас.

– «Не сейчас»? – я коротко смеюсь, и смех выходит сухим. – Я должна быть в зале. У меня свадьба.

Тишина.

Машина поворачивает. Я пытаюсь посмотреть в окно, но за стеклом все размыто: грязный снег, серые дома, редкие прохожие в капюшонах. Никаких ориентиров.

– У вас проблемы, – говорю уже жестче. – Вы понимаете, с кем связались?

Он молчит. Только пальцы на руле чуть сильнее сжимают обод.

– Меня будут искать, – продолжаю. – Мой... муж.

Слово вылетает само, и я цепляюсь за него, как за поручень.

– Сергей Савин, – добавляю, чтобы это прозвучало весомее. – Вы не понимаете, что делаете. Он найдет меня. И вас уничтожит.

Машина не сбавляет скорость, но воздух в салоне становится плотнее. Мужчина на секунду опускает голову, будто что-то проглатывает вместе с дыханием.

– Не называй его так, – говорит он.

И вот сейчас голос другой.

Хрипота будто слетает. Тембр остается низким, но становится жестче. Короче. Без этих пауз, без осторожности.

Я замираю.

– Что? – выдыхаю.

– Он тебе не муж, – повторяет мужчина, не повышая голоса, и в этом спокойствии есть металл. – И никогда им не будет.

Слова режут по нервам – не громко, но точно.

– Откуда вы... – я замолкаю. – Откуда вы знаете?

Он молчит слишком долго, чтобы это было случайностью.

– Потому что знаю, – говорит наконец и снова возвращает прежнюю хриплую мягкость, будто ставит щит обратно.

Я прижимаюсь к спинке сиденья. Холод расползается изнутри, медленно и неприятно.

– Вы сумасшедший, – говорю тихо. – Откройте дверь. Дайте мне телефон. Я позвоню.

– Нет, – отвечает он. – Сейчас нет.

– Почему?!

Он не отвечает. Только включает поворотник и сворачивает во двор.

Машина въезжает под арку, потом в подземный паркинг. Свет ламп мигает по потолку, бетонные стены отражают звук мотора. Здесь нет окон, нет людей. Только мы и эта ровная, уверенная езда.

Он паркуется. Глушит двигатель. На секунду становится так тихо, что слышно, как у меня стучит кровь в ушах.

– Выходите, – говорит он.

– Я никуда не пойду, – отвечаю сразу. – Я вас не знаю.

– Вы меня не знаете, – соглашается он. – Но вам нужно лечь. Вы бледная.

Меня злость ударяет в грудь.

– Не делайте вид, что вам не все равно! – шиплю. – Вы меня похитили!

Он наконец оборачивается.

Лицо в тени, свет цепляет щеку. Глаза темные, внимательные. Черты обычные, но неподвижные, словно он бережет лицо. Ни за что не зацепиться. Только взгляд слишком знающий для незнакомца.

– Я вас не трону, – говорит он ровно. – Но вы не уйдете.

– Это тюрьма.

– Это квартира, – поправляет он так, будто речь о бытовой мелочи. – И там тепло.

Он выходит первым, обходит машину, открывает мне дверь. Ждет. Не хватает за руку, не тянет – просто стоит рядом так, что пройти мимо невозможно.

Я делаю шаг наружу. Ноги будто чужие. В горле снова поднимается дурнота, и я автоматически делаю вдох глубже.

Лифт поднимает нас наверх. Я смотрю на цифры, пытаюсь запомнить этаж, но они скачут перед глазами.

Квартира – светлая. Не гостиница, не подвал. Белые стены, чистый пол, запах кофе и чего-то нейтрального. На кухне – бутылки воды. На диване – плед. На столе – аптечка, как будто готовились.

– Переоденьтесь, если хотите, – говорит он, снимая куртку. – Одежда в спальне. Чай на плите. Еда в холодильнике.

– И дверь? – спрашиваю.

– Закрыта, – спокойно отвечает он. – Вы можете ходить по квартире. Ванна – там. Спальня – там. Окна не открывайте.

– Почему?

Он смотрит на меня и чуть сжимает губы.

– Потому что я так сказал, – отвечает без злости, и от этого становится еще хуже.

Я делаю шаг к двери. Пробую ручку. Заперто.

– Вы не имеете права, – говорю тихо.

– Я знаю, – отвечает он и ставит на стол стакан воды. – Выпейте.

Я смотрю на воду, потом на него.

– Мне не нужно от вас ничего.

– Вам нужно, – говорит он. – Ради ребенка.

Я резко поднимаю на него глаза.

– Что вы сказали?

Он молчит секунду. Потом взгляд уходит в сторону, будто он допустил лишнее.

– Вам нельзя голодать, – произносит он уже другим тоном. – И нельзя нервничать.

Я смеюсь коротко, почти беззвучно.

– Поздно, – говорю.

Он подходит ближе. Останавливается на расстоянии, которое не нарушает, но давит.

– Ложитесь, – говорит спокойно. – Я принесу вам чай.

– А если я закричу?

– Здесь шумоизоляция, – отвечает он так же спокойно. – И охрана внизу.

– Охрана? – у меня холодеет спина.

Он кивает.

– Чтобы вы не ушли, – говорит он. – И чтобы никто к вам не пришел.

В ЗАГСе меня ждет жених.

А я стою в чужой квартире в белом платье и не понимаю, что нужно от меня человеку, который меня сюда привез.

Глава 3

Он ставит чайник и включает плиту, будто делает это каждый день. Достает из холодильника контейнеры, открывает, перекладывает что-то на сковороду. Запах теплой еды быстро расходится по кухне.

– Поешьте, – предлагает он, не оборачиваясь. – Потом отдохнете.

– Я не хочу спать, – отвечаю резко.

– Я не говорил про сон.

Я стою в дверях кухни, все еще в белом платье, и только сейчас понимаю, как нелепо выгляжу в этой квартире. Как будто меня вырвали из одного кадра и вставили в другой, не спросив.

– Я хочу выйти, – говорю. – Или хотя бы открыть окно. Здесь душно.

Он бросает на меня короткий взгляд.

– Окна закрыты.

– Все?

– Все.

Я отворачиваюсь и иду в гостиную. Просто проверить. Подхожу к окну, дергаю ручку – глухо. Второе – так же. Воздух и правда тяжелый, теплый, давит на грудь, стянутую белым шелком.

Смотрю выше. Верхняя рама. Высоко, но, может быть...

Подтаскиваю стул. Встаю осторожно, держась за подоконник. Тянусь – пальцы скользят по холодному пластику. Рама не поддается. Я поднимаюсь на носочки, переступаю и цепляюсь ногами за длинный подол.

Стул уходит в сторону.

Я не успеваю испугаться – только коротко вскрикнуть.

Он оказывается рядом мгновенно.

Подхватывает меня на руки, удерживает, не позволяя упасть. Я врезаюсь в него плечом, упираюсь ладонями в твердую грудь. В ноздри ударяет терпкий мужской запах. Я судорожно сглатываю и на секунду зажимаюсь.

Он не отпускает. Словно ждет, когда я приду в себя.

Испуганно поднимаю голову.

Его взгляд задерживается. Сначала на моем лице. Потом – ниже. На губах. Секунда. Две. Я машинально облизываю пересохшие губы – и тут же жалею об этом.

Он резко втягивает воздух. Звук короткий, сдержанный, почти как рычание, которое он тут же гасит.

Внутри у меня что-то дрожит – тонко, неприятно и странно горячо одновременно.

Я понимаю не мыслью, а телом: это опасно. Не потому, что он держит. А потому, как смотрит.

Он отступает первым. Ставит меня на пол и делает шаг назад, словно увеличивает расстояние между нами.

– Не лезайте, – произносит глухо. – Вы можете упасть.

Голос снова ровный. Почти прежний.

Колени чуть подкашиваются.

– Окна закрыты, – повторяю, скорее для себя.

– Да.

– Почему?

Он смотрит мимо меня.

– Потому что так безопаснее.

Я хмыкаю коротко.

– Для кого?

Он не отвечает. Возвращается на кухню, снимая с плиты сковороду.

– Еда готова, – говорит уже другим тоном. – Садитесь.

Я сажусь за стол. Беру вилку, но есть не могу. Платье шуршит при каждом движении, напоминая о том, где я должна была быть в это утро.

– Вы говорили про одежду, – напоминаю.

Он кивает.

– В спальне. Вам лучше переодеться.

– А если я не хочу?

– Это ваш выбор, – отвечает он спокойно. – Но так будет удобнее.

Я смотрю на него: он не торопится. Ему некуда спешить. Это злит сильнее всего.

Встаю и иду в спальню. Беру с кровати сложенную одежду – простую, домашнюю. Закрываю дверь. Переодеваюсь медленно, будто тяну время. Белое платье остается лежать на стуле, чужое и слишком яркое.

Когда я выхожу, он уже сидит на диване. В руках кружка. Он поднимает взгляд – быстро, без задержки. Но мне хватает.

– Поешьте, – произносит он. – Потом решим, что дальше.

– А если я не захочу делать так, как вы прикажете?

Он смотрит на меня внимательно.

– Тогда вы все равно останетесь здесь, – отвечает он. – Просто вам будет сложнее.

Я молча прохожу мимо него на кухню.

На столе уже стоит тарелка. Даже не одна – несколько. Все разогрето, аккуратно разложено, как в ресторане, где не экономят ни на продуктах, ни на подаче. Простая еда – без соусов и украшений, но видно сразу: не дешевая и не случайная.

Я останавливаюсь.

Если бы меня украли ради денег, все было бы иначе.

Быстро. Грубо. На скорую руку.

Здесь никто не торопится и не экономит.

Я беру вилку, переворачиваю кусок мяса. Он мягкий, еще горячий. Рядом – овощи, хлеб, вода без этикетки.

Поднимаю взгляд. Мужчина все еще в гостиной, сидит так же спокойно, как будто между нами не было ни угроз, ни пауз, ни слишком долгого взгляда у окна. Смотрит на меня поверх кружки, не скрывая внимания, но и не приближаясь.

– Вы ведь не за деньгами, – говорю я негромко.

Он не отвечает. Даже не меняется в лице.

Я делаю вдох. Второй.

В голове перебираются варианты – один за другим, и каждый звучит хуже предыдущего. Ничего ценного у меня нет. Ни связей. Ни доступа. Ни тайных счетов. Есть только то, о чем он уже знает.

Я сжимаю вилку чуть сильнее, чем нужно.

– Вы хотите забрать моего ребенка?

Слова повисают в воздухе.

Я не кричу. Не обвиняю. Просто спрашиваю.

Глава 4

Он не отвечает сразу.

Медленно ставит кружку на стол, как будто именно сейчас это важнее всего. Движение спокойное, точное. Ни суеты, ни резкости. Тишина растягивается, становится плотной.

Я не отвожу взгляд.

– Вы хотите забрать моего ребенка? – повторяю уже тише.

Он поднимает глаза.

– Нет, – говорит наконец.

Я выдыхаю – коротко, судорожно, и почти сразу понимаю, что рано.

– Я не забираю, – продолжает он. – Я оставляю.

– Что? – у меня не сразу получается связать слова.

Он смотрит на меня так, будто я задала странный, лишний вопрос.

– Ты останешься здесь, – говорит он ровно. – Со мной.

Пауза.

– И ребенок тоже.

У меня в голове что-то обрывается.

– Вы... – я даже не знаю, как это назвать. – Вы сошли с ума.

Он не улыбается.

– Нет.

– Вы не имеете права! – слова вырываются сами. – Это мой ребенок. Мой. И Сергея. Имя звучит в комнате громче, чем я ожидала.

Он делает шаг вперед.

Небольшой. Почти ленивый. Но пространство между нами сразу сокращается, и воздух снова становится тяжелым.

– Не говори о нем, – произносит он тихо.

В голосе нет крика. Только напряжение, как натянутая струна.

– Я люблю его, – упрямо продолжаю я. – Это наш ребенок. Вы вообще понимаете, что творите?

Он смотрит на меня сверху вниз, чуть склонив голову.

– Ты любишь не его, – отвечает он. – Ты любишь то, что он для тебя обозначает.

– Вы не знаете меня!

– Я знаю достаточно.

Я смеюсь. Резко, почти истерично.

– Вы думаете, я просто соглашусь? – спрашиваю. – Буду жить здесь, с вами, как будто так и должно быть?

– Да, – отвечает он без колебаний.

Это «да» звучит хуже любого крика.

– Ты привыкнешь.

– Никогда, – цежу я сквозь зубы.

Он чуть прищуривается.

– Все так говорят.

Я чувствую, как внутри поднимается злость – горячая, слепая.

– Вы держите меня здесь силой!

– Я держу тебя в безопасности.

– От кого?

– От ошибок, – отвечает он спокойно. – От глупых решений. От людей, которые не способны взять ответственность.

– Вы сейчас про Сергея?

На секунду в его взгляде что-то меняется. Темнеет.

– Он здесь ни при чем, – произносит он. – И его здесь не будет.

– Вы не можете просто вычеркнуть его из моей жизни!

– Могу, – отвечает он. – И уже это сделал.

Я чувствую, как холодеют пальцы.

– Что вы сделали?

Он не отвечает. Вместо этого отходит на шаг, будто разговор для него закончен.

– Ты здесь надолго, – сообщает он уже другим тоном. – Это не тюрьма. Но правила будут мои.

– А если я не приму их?

Он смотрит прямо.

– Тогда тебе будет сложно.

Я понимаю, что он не угрожает. Он констатирует.

– Вы хотите, чтобы я стала вашей женщиной, – произношу я медленно, будто проверяю слова на вкус.

Он не отрицает.

– Со временем.

– Это отвратительно, – шепчу я.

– Это неизбежно, – отвечает он.

Мы стоим друг напротив друга, и я вдруг ясно понимаю: спорить сейчас бесполезно. Он не убеждает. Он не торгуется. Он просто обозначает реальность, в которой я уже оказалась.

– Ребенок будет в безопасности, – добавляет он. – Здесь. Со мной.

Я опускаю взгляд на свои руки. Они дрожат, и я сжимаю их в кулаки, чтобы он этого не увидел.

– Вы не имеете права решать за меня, – произношу я тихо.

– Я уже решил, – отвечает он.

Тишина снова заполняет комнату.

Я поднимаю голову.

Он смотрит спокойно. Уверенно. Как человек, который никуда не спешит и ничего не боится потерять.

А мне вдруг становится ясно: если я хочу выбраться отсюда, просто сопротивляться – недостаточно.

Нужно играть.

И выиграть время.

Глава 5

Сергей

За несколько дней до свадьбы

Передо мной разложены квартальные отчеты, но мысли все равно витают не в цифрах. Телефон вибрирует, и я даже не смотрю на экран – знаю, кто звонит.

Аня.

– Ты где? – спрашиваю сразу, потому что мне не терпится услышать ее голос.

– Тут, – отвечает она быстро, немного запыхавшись. – Я не знаю, за что хвататься. Привезли платье на последнюю примерку, от организатора доставили образцы тортов... Все навалилось разом.

Я ловлю себя на том, что улыбаюсь.

– Значит, все идет по плану.

– Наверное, – отвечает она. – Я уже устала выбирать. И сладкого совсем не хочется.

В ее голосе нет ни радости, ни раздражения – просто спокойствие. Будничное, ровное. Мне хочется услышать больше, чем она говорит.

– Платье нравится? – спрашиваю.

– Да, – произносит без паузы. – Оно красивое. Просторное. Удобное.

Просто «красивое». Не «мое». Я отмечаю это краем сознания, но не задерживаюсь.

– Ты там одна?

– Нет, мама рядом. Все бегает. Я стараюсь ничего не забыть.

Я смотрю в окно и вдруг ясно понимаю, как сильно хочу, чтобы это уже было. Чтобы она была рядом. Моей женой. Чтобы не по телефону.

– Ты спокойна, – произношу.

– А должна быть нет? – она усмехается. – Я просто делаю то, что нужно.

Мне этого достаточно. Я слышу в этом не сомнение, а готовность. Так мне хочется верить.

– Я скучаю, – говорю, не задумываясь.

Она молчит секунду.

– Я тоже, – отвечает. Не сразу, но ровно.

Этого хватает, чтобы внутри что-то щелкнуло и встало на место.

– Мне сейчас будут звонить, – говорит она. – Я на бегу.

– Перезвонишь, когда сможешь, – отвечаю. – Я буду ждать.

– Хорошо.

Связь обрывается, и почти сразу дверь кабинета открывается.

Без стука. Как всегда.

Ржавый.

Он заходит уверенно, будто это его офис. Темная куртка, светлая рубашка, лицо спокойное, слишком собранное для обычного визита.

Я откладываю телефон.

– Что-то случилось? – спрашиваю, не вставая.

– Да, – отвечает он сразу. – Свадьбу надо отменить.

Я смотрю на него пару секунд, проверяя, не шутка ли.

– Повтори.

– Отменить. Или хотя бы отложить.

Я медленно поднимаюсь из-за стола.

– Ты сейчас серьезно?

– Более чем.

Я делаю шаг к нему.

– У тебя ровно тридцать секунд, чтобы объяснить, почему ты решил лезть в мою личную жизнь.

Он не отводит взгляда.

– Баратов, – произносит спокойно.

Имя режет. Я давно привык, но все равно каждый раз внутри что-то шелкает.

– И что Баратов? – спрашиваю я. – Он всю дорогу что-нибудь затевает. Это не повод отменять свадьбу.

– Его прижали, – продолжает Ржавый. – Жестко. Он уверен, что это ты.

Я усмехаюсь.

– Он много чего думает. И что?

– Он рванет, – отвечает Ржавый. – И ударит не по бизнесу.

Я молчу.

– По самому больному, – добавляет он.

– Ты сейчас на что намекаешь? – спрашиваю тихо.

– На Аню.

Я чувствую, как внутри поднимается злость. Резкая, неприятная.

– Ты пришел меня пугать? – говорю. – Или отрабатывать чьи-то деньги?

Он прищуривается.

– Ты сейчас о чем?

– Мне доложили, – отвечаю прямо. – Что ты в последнее время слишком часто светишься рядом с людьми Баратова. Что у тебя странные контакты. И теперь ты стоишь здесь и предлагаешь мне отменить свадьбу.

Я делаю паузу.

– Выглядит как предательство, Степан.

Он выдыхает сквозь зубы.

– Я не на его стороне.

– Тогда на чьей? – спрашиваю. – На своей?

– Я на стороне живых, – отвечает он. – И на стороне твоей невесты.

– Не тебе решать, что для нее безопасно, – отрезаю я.

– Ты слишком самоуверен, – говорит он. – Так же, как был самоуверен твой отец.

Фраза задевает.

– Осторожно, – предостерегаю я. – Ты переходишь границу.

– Я предупреждаю, – жестко отвечает он. – Баратов уверен, что ты его давишь. Он не будет разбираться. Он уже доказал, что умеет убирать людей.

– И ты предлагаешь мне отступить? – спрашиваю. – Дать понять, что он победил?

– Я прошу тебя подумать, – отвечает Ржавый. – Отложи свадьбу. Проверь. Усиль охрану. Дай мне пару дней.

Я качаю головой.

– Нет.

– Сергей...

– Нет, – повторяю. – Я слишком долго к этому шел. И я не буду жить по его правилам.

Ни по его. Ни по твоим.

Он смотрит на меня несколько секунд, будто решает, стоит ли говорить дальше.

– Тогда ты сам все увидишь, – произносит он наконец. – Только может быть поздно.

– Уходи, – говорю я.

– Ты совершаешь ошибку.

– Уходи, Степан.

Он молча разворачивается и выходит.

Я остаюсь один.

Тишина в кабинете кажется чужой.

Я беру телефон, смотрю на имя Ани и ловлю себя на том, что держу его слишком крепко.

Баратов.

Свадьба.

Ржавый.

Я решаю, что завтра усилю охрану. Проверю маршруты. Перестрахуюсь.

Все будет под контролем.

Потому что иначе я просто не выдержу.

Глава 6

Утро тянется ровно, как будто вчерашний разговор с Ржавым мне приснился.

Я подписываю бумаги, слушаю короткие доклады, киваю, ставлю подпись там, где надо. Работа привычно держит в руках – цифрами, сроками, фамилиями. Только иногда внутри простреливает: Баратов. Свадьба. Аня.

Я прогоняю это, как лишний шум.

На экране телефона – календарь. До даты остается пара дней. Я ловлю себя на том, что взгляд возвращается туда слишком часто.

– Сергей Романович, – заглядывает секретарь. – Там... ситуация.

Я поднимаю глаза.

– Какая?

Она мнетя, будто решает, как это подать, чтобы не выглядеть глупо.

– На проходной... девушка. Журналистка. Ее не пускают, но она... очень настойчивая.

Настаивает, что должна поговорить именно с вами.

– Пусть подаст запрос, – отвечаю сразу. – У нас есть пресс-служба.

– Она говорит... – секретарь запинаясь. – Она уверяет, что это про вашего отца.

Слова цепляются за меня неприятно, как крючок за ткань.

– Где охрана? – спрашиваю коротко.

– На месте. Ее удерживают, но...

Я уже встаю.

В коридоре прохладно и шумно, хотя офисный шум обычно не цепляет слух. Сейчас раздражает все. Лифт, этаж, холл – и вот уже стеклянные двери, за которыми суeta.

Журналистка действительно прорывается сквозь охрану, как сквозь воду. Невысокая, в темном пальто, волосы собраны в хвост, глаза слишком яркие для обычной «я пришла за комментарием». Она замечает меня и сразу тянется вперед.

– Сергей Савин! – голос звонкий, срывается, но держится. – Пожалуйста, минуту! У меня есть информация о вашем отце!

Охранник перехватывает ее за локоть, она дергается, но не отступает. Смотрит прямо на меня, будто ей плевать, кто я и сколько людей вокруг.

– Мы вас не задерживаем, – говорит охрана строго, – но проход закрыт.

Я поднимаю ладонь, чтобы убрали хватку. Не потому что жалею ее – мне не нравится, когда вокруг меня кто-то устраивает сцену.

– Говорите, – бросаю я. – Одну фразу. И уходите.

Она хватает этот шанс, как воздух.

– Вам сказали не все. – слова летят быстро. – Ваш отец... это не была случайность. Там...

– Хватит, – обрываю я.

– Послушайте! – она повышает голос. – Я знаю, кто...

– Хватит, – повторяю уже жестче.

Она замирает. Губы дрожат – то ли от злости, то ли от страха, то ли от того и другого.

– Вы думаете, что он просто... ушел, – говорит она тише. – А вы уверены, что вас не обманули?

У меня внутри что-то скребет. Неприятно. Старое. Я ненавижу, когда кто-то трогает то, что я давно закрыл.

– Дайте ему покоиться с миром, – произношу я ровно. – У вас нет права лезть в это. Ни у вас, ни у ваших коллег.

– Это важно! – она отчаянно делает шаг, охрана снова перехватывает. – Это касается...

– Уведите, – киваю я охране.

Ее тащат в сторону, она выкрикивает что-то еще, но слова уже теряются в шуме холла. Я стою неподвижно и смотрю ей вслед, пока дверь не закрывается.

Когда все стихает, мне кажется, что в груди стало теснее.

Я возвращаюсь в кабинет, но отчеты уже не держат. Черные цифры расплываются, как будто у меня перед глазами тонкая пленка.

Журналистка. Отец. «Вас обманули».

Слишком много людей в последнее время уверены, что знают что-то про мою жизнь.

Я нажимаю кнопку внутренней связи.

– Павел, зайдите.

Начальник охраны появляется быстро. Собранный, спокойный. Человек, который привык отвечать за безопасность и не задавать лишних вопросов.

– Сергей Романович.

– Что это было? – спрашиваю.

– Журналистка. Пыталась прорваться. Мы ее оттеснили, как положено. Данных о реальной угрозе нет.

– Кто она?

– По документам – фрилансер. Работает на несколько площадок. Скандальные темы любит, – отвечает он сухо. – Скорее всего, искала громкий материал.

Я киваю, но внутри не отпускает.

– По Баратову, – говорю. – Докладывайте мне все. Любая активность. Проверяйте все контакты. Любые движения рядом с Аней, которые могут быть его.

– Уже проверяем, – кивает Павел. – На сегодня ничего необычного. Но я усилил наружное наблюдение.

– И еще, – добавляю. – По периметру. По маршрутам. И... по тем, кто может влезть через третьих лиц. Без шума. Аня ни на минуту не должна оставаться одна.

– Понял.

Он уже собирается уйти, но я останавливаю его взглядом.

– Степан, – говорю. – Ржавый. Он на связи?

Павел на секунду замирает. И этого хватает, чтобы у меня внутри что-то сжалось.

– Нет, – отвечает он. – Он... сегодня утром написал заявление. Уволился.

– Уволился? – переспрашиваю, хотя услышал.

– Да. Сказал, что по личным причинам. Доступы мы закрыли. Контакт не оставил.

Я молчу.

Ржавый никогда не делал резких движений просто так. Даже когда ушел с поста начальника охраны – по собственной просьбе, ради дел, о которых не говорил вслух. Он мог молчать, мог исчезнуть на пару дней, мог не объяснять. Но заявление... официально... как будто отрезал.

– Где он сейчас?

– Не знаем. Машина ушла с парковки рано. Камеры... – Павел чуть мнетяся. – Камеры на том участке сегодня ночью были на профилактике. Совпало.

Я усмехаюсь без веселья.

– Совпало, – повторяю.

Павел ждет дальнейших распоряжений.

– Найдите его, – говорю. – И никому об этом.

Он уходит.

Я остаюсь один и смотрю на дверь, как будто Ржавый сейчас снова зайдет без стука и скажет что-нибудь еще – такое же неприятное и нелепое.

Но дверь молчит.

Я беру телефон, открываю переписку с Аней. Пальцы на секунду зависают над клавиатурой.

Как ты? – слишком сухо.

Скучаю – слишком много.

Все нормально? – будто я заранее боюсь ответа.

Я набираю простое:

«Занята?»

Ответ приходит не сразу. Потом – короткое:

«Да. Все по плану»

Смайлик. Маленький, спокойный. Без восторга, но и без тревоги.

Я перечитываю дважды, словно проверяю на скрытый смысл.

Потом откладываю телефон и заставляю себя вернуться к отчетам.

Я все сделал правильно. Усилил охрану. Отдал распоряжения. Проверю маршруты еще раз завтра.

Все будет под контролем.

Глава 7

Я приезжаю в ЗАГС раньше. Не потому что боюсь опоздать – мне нужно видеть, как все встает на свои места.

У входа уже толпятся гости. Кто-то смеется, кто-то поправляет галстук, кто-то фотографируется у арки с белыми лентами. Родители Ани держатся рядом, мама в светлом пальто, напряженная, слишком собранная. Она кивает мне, как будто проверяет: все ли идет правильно.

Охрана по периметру. Павел замечает меня сразу, подходит, говорит коротко, по делу:

– Все чисто. Два входа перекрыты. Служебный под контролем. Машины проверены.

– Водитель у нее тот, что я сказал? – уточняю.

– Да. Ваш человек.

Я киваю. Это должно успокаивать. Но внутри все равно тянет, как натянутую проволоку.

Достаю телефон, открываю чат с Аней. Перечитываю смайлик и убираю трубку в карман, будто она может меня обжечь.

– Сергей, – мама Ани трогает меня за рукав. – Не ходи так напряженно. Сегодня вам обоим нужно быть спокойными.

– Я спокоен, – отвечаю и понимаю, что почти вру.

Внутри ЗАГСа пахнет духами, цветами и сладким. Администратор подлетает ко мне:

– Сергей Романович, все готово. Еще десять минут, и...

Она обрывается. В холле поднимается шум. Я оборачиваюсь.

Невеста.

Белое платье. Фата опущена почти до подбородка. Она идет быстро, не оглядываясь, как будто опаздывает и не хочет объясняться. Рядом мелькает организатор – что-то шепчет, придерживает шлейф.

Я делаю шаг вперед автоматически.

– Аня...

Она не поднимает головы. Не замедляется. Только чуть поворачивает лицо, словно слышит, но не хочет ловить взгляд.

– Проходите в зал, – говорит она. Голос из-под фаты приглушенный. – Пожалуйста. Все уже ждут.

Администратор тут же подхватывает:

– Гости, проходим в зал!

Толпа начинает двигаться. Я делаю еще шаг, но мама Ани оказывается рядом.

– Сережа, – говорит она тихо. – Не сейчас. Люди, камеры. Пойдем.

Я сдержанно выдыхаю. Вижу только фату и руки с букетом, сжатым слишком крепко.

– Она... – начинаю я.

– Нервничает, – перебивает мама Ани. – Это нормально.

Меня отвлекают: фотограф, распорядитель, кто-то из гостей хлопает по плечу. А «Аня» тем временем уходит вперед – не в зал, а в сторону служебного коридора.

Я замечая это и сновадвигаюсь за ней.

– Павел, – бросаю я. – С ней кто?

Он не успевает ответить.

Резко щелкает. Над головой загорается красный свет. И почти сразу по зданию разносится резкий сигнал.

Сирена.

Кто-то вскрикивает. Люди сдвигаются плотнее. Администратор поднимает руки:

– Спокойно! Техническая тревога! Просьба всем пройти по указателям!

Начинается суeta. Люди толкаются, обгоняя друг друга. Из глубины холла появляются двое мужчин в форме. Рации, уверенные движения.

– Техническая тревога! Проходим дальше! – командуют они.

Я ишу глазами белое.

Фата мелькает у служебного выхода.

Двое в форме подходят к Ане с двух сторон. Один наклоняется к ней:

– Невесту – сюда. По инструкции. Быстро.

Она послушно делает шаг. Не сопротивляется. Не оглядывается.

Я рвусь вперед.

– Стой!

Павел хватает меня за предплечье. Не грубо – жестко и точно.

– Сергей Романович, не лезьте. Мы проверяем. Это может быть отвлекающий маневр.

– Это она, – говорю я. – Там она.

– Мы видим, – отвечает он быстро. – Дайте секунду.

Секунда.

Толпа сдвигается. Кто-то кричит, кто-то роняет сумку. Белое платье мелькает между плечами и исчезает.

Я протискиваюсь вперед, уже никого не слушая. Служебная дверь приоткрыта. За ней пусто. Холодный воздух и следы мокрых подошв.

Сирена внезапно замолкает. В здании становится слишком тихо.

– Где она? – спрашиваю я, хотя знаю, что вопрос бессмысленный.

– Ушла через служебный, – говорит Павел. – Машина уехала минуту назад.

– Чья машина?

– Выясняем.

Мне становится холодно. Я набираю Аню. Гудки. Потом тишина. Еще раз. Ничего.

– Это Баратов, – говорит кто-то рядом. Слишком уверенно.

Я смотрю в зал. Цветы. Регистратор с бумагами. Гости, которые уже все снимают.

Музыку выключают.

Место рядом со мной пустое.

Павел подходит ближе:

– Мы найдем.

Я киваю автоматически.

Потому что в голове только одно:

Я видел, как ее увели.

Я стоял рядом.

И все равно не удержал.

Глава 8

Я сижу в кабинете, хотя здесь пусто и тихо, как бывает только вне рабочего дня. Я приехал сюда не потому, что нужно работать – потому что не смог поехать домой.

В дом, где с утра все было готово к торжеству. Где стояли цветы. Где лежал костюм. Где должна была быть Аня.

Здесь проще дышать.

На столе разложенные документы, папка с пометками охраны, телефон, который я кладу экраном вниз. Мне не нужно на него смотреть. Если бы что-то было, он бы уже зазвонил.

Сегодня мы разговаривали.

Я слышал ее голос.

Она ехала в ЗАГС.

Я не прокручиваю это вслух. Не разбираю по словам. Просто снова вижу зал. Цветы. Лицо регистратора. Пустое место рядом со мной. И то, как белое платье мелькает между плечами и исчезает в служебной двери.

Я сижу ровно. Не мечусь. Не хватаюсь за голову. Сейчас не время.

Если это похищение – должны быть условия.

Я знаю, как это работает. Деньги. Угрозы. Инструкции. Давление.

Здесь – тишина.

Ни одного звонка.

Ни одного требования.

Ни одного намека на торг.

Как будто Аня не нужна для сделки.

И именно это не дает мне покоя.

Стук в дверь. Я даже не отвечаю. Павел заходит сам, словно у него нет времени на формальности.

– Сергей Романович, – он говорит тихо, но быстро. – Записи привезли. С камер ЗАГСа и снаружи. Полный пакет.

Я встаю сразу.

– Где?

– Внизу. В комнате охраны. Я попросил подготовить.

Я иду за ним по коридору. Лифт спускается, цифры мигают. Мне не нужны версии. Мне нужен момент, где она пропала.

Комната охраны тесная, пахнет пластиком и нагретой техникой. На столе – ноутбук, рядом флешки, распечатки. Двое охранников встают, но Павел жестом сажает их обратно.

– Начали с момента срабатывания тревоги, – говорит он. – Вот запись со служебного выхода.

Экран запускается. Камера сверху, зернистая картинка, серые лица, толпа. Я вижу себя – в профиль, резкое движение плечом, руку Павла на моем предплечье. Вижу белое – мелькает, исчезает.

Я смотрю не на себя. Я смотрю туда, куда должна была уйти Аня.

Павел перематывает назад.

– Смотрите раньше. Перед тревогой.

Я сжимаю пальцы. На секунду хочется, чтобы она просто стояла в холле, чтобы все было ошибкой. Но я знаю: не будет.

Белое появляется. Фата. Организатор рядом. Она проходит быстро. И... не смотрит. Ни на кого.

– Приблизь, – прошу я.

Павел увеличивает.

Угол не дает лица. Только подбородок под фатой, руки с букетом. Все, за что можно ухватиться, ускользает.

Камера сменяется другой – боковой коридор.

И там, в кадре, появляется человек, которого здесь быть не должно.

Ржавый.

Не в форме охраны. В темной куртке, спокойно, без суеты. Он идет так, будто знает, куда направляется. Останавливается на секунду, смотрит в сторону служебного коридора. Не машет никому. Не разговаривает. Просто присутствует – и этого достаточно, чтобы мне стало неприятно.

– Это он? – спрашивает один из охранников осторожно.

Павел молчит, смотрит на меня. Слово «он» здесь лишнее. Я и так знаю.

– Какого черта... – выдыхаю я.

– Он не был в списках гостей, – говорит Павел. – Не проходил регистрацию. Появился со стороны парковки. Камеры снаружи тоже есть.

– И что он делал?

– Ничего, – отвечает Павел. – Стоял. Смотрел. Потом ушел.

«Ничего» звучит хуже любого признания.

Я смотрю на экран. Ржавый поворачивает голову, как будто слышит что-то в рации, хотя рации у него нет. Потом делает шаг и исчезает. Камера теряет его в толпе.

– Куда он вышел? – спрашиваю.

– На улицу. Через боковой вход.

– Время?

Павел называет. Я автоматически сверяю его с тем временем, когда распорядитель говорила про «невеста спустилась».

И внутри что-то щелкает.

– Распорядитель, – говорю я, не глядя. – Та, что встречала гостей. Где она?

– Мы ее нашли. Она ждет внизу, – отвечает Павел.

Я киваю и выхожу из комнаты. Воздух в коридоре кажется холоднее. Я спускаюсь еще этажом ниже – туда, где служебные комнаты, где нет гостей и красивых лент.

Распорядитель сидит на стуле, нервно тербит бейдж. Увидев меня, вскакивает.

– Сергей Романович... Я все рассказала вашим людям...

– Повторите мне, – прошу ровно. – По минутам. Где вы видели Аню?

Она быстро кивает, как школьница.

– Я была внизу, у входа. Невеста появилась... сказала, что ей нужно в туалет. Я спросила, все ли хорошо, она кивнула. Потом пошла по коридору. Я... я подумала, что это нормально. У всех невест нервы...

– В какое время? – перебиваю.

Она называет. Я снова вижу в голове зал. В это время Аня уже стояла там. Я видел белое в проходе. Слышал ее «проходите в зал».

Две картинки накладываются и не сходятся.

– Вы уверены, что это была она? – спрашиваю.

– Конечно... – распорядитель теряется. – Платье... фата...

– Лицо?

Она молчит секунду.

– Лицо... не очень. Фата была низко.

Я киваю. Этого достаточно, чтобы меня снова накрыло злостью – не на нее. На себя.

Я выхожу в холл. Павел идет рядом, молчит. У меня внутри тяжелый камень: если я видел ее в зале, а распорядитель видела ее внизу – значит, либо кто-то врет, либо...

Либо я ничего не понимал с самого начала.

– Сергей Романович, – окликает меня охранник, появившийся будто из стены. – К вам... девушка пришла. Говорит, срочно.

На секунду у меня в груди вспыхивает глупое, унижительное – надежда. Такая, от которой потом больнее.

Я делаю шаг быстрее.

– Где?

– Вон... у стойки.

Я поворачиваю голову – и вижу не Аню.

Света.

В том же платье, что была на церемонии. Макияж потек у глаз, но видно, что он был сделан тщательно. Волосы уложены, хотя несколько прядей выбились. Она стоит неловко, сжимая телефон в ладони, как будто держится за него, чтобы не рассыпаться.

Я останавливаюсь резко. Это заметно – Света вздрагивает.

– Сергей... – говорит она тихо. Голос чуть хриплый, будто она много плакала или долго молчала. – Я... я не знала, куда еще.

– Говори, – отвечаю коротко.

Она делает шаг ко мне, потом замирает, словно боится подойти ближе.

– Мне сегодня показалось странным, – говорит она наконец. – Я не хотела говорить сразу. Я думала, что просто накручиваю себя...

Она замолкает, подбирая слова, и это молчание говорит больше, чем любые объяснения.

– Что именно? – спрашиваю.

Света смотрит вниз, потом поднимает глаза.

– Она... – произносит тихо. – Она как будто меня не узнала.

Слова падают ровно, без истерики. И от этого быют сильнее.

– Ты уверена?

– Нет, – честно отвечает она. – Я не уверена. Может, фата. Может, нервы. Но... она была не такая. Совсем. Как будто... – Света замолкает, не находя нормального слова. – Как будто не она.

Я молчу. Внутри все складывается в одну плоскость – и от этого становится не легче, а страшнее.

Потому что если она была «не она», значит, я стоял в зале и ждал чужую женщину. А настоящая Аня могла уйти куда угодно.

И тогда вопрос уже не «кто похитил».

Вопрос – когда именно я ее потерял.

Глава 9

Аня

Тишина вокруг липкая, как чужая ладонь на коже. В ней невозможно расслабиться: я чувствую чужой взгляд каждой клеткой. Кажется, стоит сделать неверный шаг – и что-то изменится необратимо, поэтому я замираю, боясь даже пошевелиться.

Домашняя одежда на мне простая, мягкая, чужая, но хотя бы не белая. Платье осталось в спальне, аккуратно сложенное, как чужая жизнь, до которой теперь не дотянуться.

Все мысли крутятся вокруг одного.

Мне нужно выбраться.

Не сейчас – потом.

Я прокручиваю в голове варианты, один за другим, и все они упираются в одно: люди. Камеры. Посторонние. Те, при ком нельзя просто молча удерживать женщину в квартире.

– Мне нужен врач, – говорю я вслух.

Он поднимает голову от телефона. Смотрит внимательно, будто решает, правда это или уловка.

– Зачем? – спрашивает.

– Мне плохо, – отвечаю честно, потому что ложь сейчас не нужна. – И я беременна. Я не могу просто... сидеть здесь и ждать.

Он молчит секунду. Потом кивает.

– Хорошо, – Замираю в ожидании ответа. – Завтра.

Подозрительно легко.

У меня внутри что-то вспыхивает – осторожно, как огонек, который боишься спугнуть. Если будет врач, будут люди. Люди – это мой шанс.

– Спасибо, – говорю я и тут же жалею о слове.

Он встает.

– Тебе пора спать.

Не вопрос. Не предложение.

Он уходит в спальню и возвращается с чем-то ярким в руках – я не сразу понимаю, что это.

– Надень, – говорит, протягивая мне ночную сорочку.

Тонкая ткань, светлая. Кружево по краю, глубокий вырез. Слишком откровенная. Как будто он знал, как она сядет на теле. Я чувствую, внутри поднимается раздражение – и что-то еще, неприятное, теплое.

– Это обязательно? – спрашиваю.

– Да, – отвечает он просто. – Так удобнее.

Снова решает за меня.

Я иду в ванную. Закрываю дверь. Щелчка нет – замка тоже. Просто закрыта. Не заперта.

Вода шумит, наполняя маленькое пространство паром. Я стою под душем дольше, чем нужно, пытаюсь собрать мысли. Когда вытираюсь и надеваю сорочку, ткань ложится на тело так, будто ее выбирали не для сна. Кружево почти ничего не скрывает. Я ловлю свое отражение в запотевшем зеркале и отвожу взгляд – смотреть неприятно, будто я соглашаюсь на игру.

Приоткрываю дверь ванной и выглядываю в коридор.

Он в гостиной. Спина ко мне. Что-то убирает со стола.

Это шанс.

Я делаю шаг – тихо, осторожно. Пол холодный. Сердце стучит в ушах слишком громко. Я почти проскальзываю мимо, когда он оборачивается.

Его взгляд устремляется ко мне не сразу, но я чувствую его кожей раньше, чем он поднимает глаза.

И он смотрит.

Не в открытую.

Не жадно.

Но слишком долго.

На вырез.

На грудь.

Чуть ниже.

Я машинально прикрываюсь рукой.

Он отводит глаза первым.

– Ложись, – произносит глухо.

Я ныряю в комнату, плотно закрываю дверь, забираюсь в кровать, натягивая одеяло почти до подбородка. В голове уже выстроен план – простой, почти наивный: выдержать ночь. Завтра врач. Завтра люди. Возможность сделать хоть что-то.

Сна нет ни в одном глазу. Я лежу и смотрю в потолок. Сердце бьется слишком быстро, но это уже не паника – ожидание. Я держусь за мысль о завтрашнем дне, как за спасательный круг.

Выдержать одну ночь.

Сначала я слышу шаги, потом дверь медленно открывается. Он входит в комнату молча, и от этого страшнее. Я зажмуриваюсь, боясь выдать дыханием, как сильно дрожу.

Он останавливается у кровати. Матрас чуть прогибается – не под ним, а от того, как я сжимаюсь.

Глава 10

Он заходит в спальню тихо, и я сразу это чувствую – не по звуку, а по тому, как меняется воздух. Я лежу с закрытыми глазами, дышу ровно, стараюсь не выдать себя движением или напряжением в теле. Если решит, что я сплю, оставит в покое. Я цепляюсь за эту мысль, как за правило, которое нельзя нарушить.

Он подходит ближе. Просто стоит. Я чувствую это слишком отчетливо, будто его присутствие имеет вес.

Одеяло сдвигается, осторожно, без рывка. Край подтягивается выше, почти до подбородка. Его рука на секунду задерживается у плеча – не как прикосновение, а как проверка. Холодно ли. Не раскрылась ли. Я не шевелюсь.

Он уходит так же тихо, как пришел. Дверь закрывается, и только тогда я позволяю себе сделать более глубокий вдох.

Я держу глаза закрытыми еще какое-то время, прислушиваясь. Ничего. Квартира живет своей ночной жизнью: щелкает батарея, где-то далеко гудит лифт. Шагов нет.

Когда я наконец открываю глаза, ночник все еще горит. Комната выглядит так же, как и раньше. Слишком спокойно.

Натягиваю одеяло выше, хотя понимаю, что это ничего не меняет. Сон не приходит. Я лежу, уставившись в потолок, и считаю не минуты – вдохи. Кажется, стоит закрыть глаза по-настоящему, и он снова войдет. Несколько раз мне мерещатся шаги, но каждый раз это оказывается только дом.

Ночь тянется долго. Я проваливаюсь в тяжелую дрему и тут же вынырываю, будто кто-то дергает за край сна. В теле странная смесь усталости и напряжения, как после долгой болезни.

Под утро я окончательно проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь резко, как от толчка. За окном серый свет. В комнате тихо. Я сажусь на кровати и сразу понимаю: его нет.

Выхожу в гостиную. Диван пустой. Стол чистый. На кухне аккуратно убрано, как будто в квартире никто не жил. Это настораживает сильнее, чем если бы он был здесь.

Я заглядываю во вторую спальню. Постель ровная, покрывало натянуто, подушка лежит так, как ее оставили. Не похоже, чтобы тут кто-то ночевал.

Иду к входной двери и берусь за ручку. Дергаю. Заперто. Проверяю замок – медленно, внимательно. Ничего. Окна тоже закрыты.

Я стою посреди квартиры и ловлю себя на том, что мне хочется, чтобы он был здесь. Тогда хотя бы понятно, где опасность. А сейчас – пустота, в которой легко накрутить себе что угодно.

Щелчок замка звучит слишком громко.

Я вздрагиваю, когда дверь открывается. Он входит спокойно, будто выходил на пять минут. В руках пакеты. С улицы тянет холодом и запахом горячей еды.

Он ставит пакеты на стол, снимает куртку.

– Доброе утро, – говорит ровно.

Я смотрю на него, пытаюсь понять по лицу, куда он ездил и что решил. Лицо обычное, спокойное. Только взгляд задерживается на мне дольше, чем мне хотелось бы.

Он раскладывает еду, ставит передо мной тарелку и кружку.

– Садись.

Я не двигаюсь сразу.

– Ты уезжал, – говорю.

– Да.

– Надолго?

– Достаточно, чтобы все проверить.

Он отодвигает стул и садится напротив, не близко, но так, чтобы я была у него в поле зрения.

– Ешь, – повторяет.

Я беру вилку. Пальцы дрожат, и я злюсь на себя за это. Ем понемногу, через силу, чувствуя, как пустота внутри отступает. Он молчит, пока я ем. Не отвлекается, не смотрит в телефон. Просто следит.

– Врач, – говорю я наконец. – Ты обещал.

Он даже не удивляется.

– Собирайся.

Слова короткие, уверенные. И все равно внутри что-то вспыхивает. Если будет врач, будут люди. Мой шанс.

Он приносит пакет с одеждой. Спортивный костюм. Новый. Мой размер. Даже обувь.

– Откуда ты знаешь? – спрашиваю удивленно.

– Просто знаю, – протягивает он равнодушно, и на этом разговор заканчивается.

Я переодеваюсь быстро. Ткань пахнет магазином. В зеркале я выгляжу обычной женщиной, которая собирается по делам, а не едет неизвестно куда.

Он ждет у двери. В лифте стоит рядом, не касается, смотрит прямо перед собой. Кабина едет вниз почти бесшумно, только цифры над дверью сменяют друг друга.

На одном из этажей лифт останавливается. Двери разъезжаются, и внутрь заходит женщина. Ухоженная, уверенная, с легким запахом духов. Она сразу смотрит на него – не в лоб, не в упор, а так, как смотрят, когда им нравится то, что видят.

Задерживает взгляд чуть дольше, чем требует вежливость, улыбается.

– Доброе утро, – говорит ему.

– Доброе, – отвечает он спокойно.

Она встает ближе к нему, чем ко мне, будто я здесь просто совпадение. Я ловлю этот момент и на секунду думаю – сейчас. Взгляд. Слово. Хоть что-то.

Но понимаю: не получится.

Он стоит слишком уверенно. Она смотрит только на него. Любая попытка будет выглядеть странно, неуместно, как сцена, из-за которой потом станет хуже.

Женщина поправляет прядь волос, смотрит на отражение в зеркале лифта, снова на него. Ее интерес очевиден, и ей не до меня.

Двери открываются. Она выходит первой, бросает на него еще один короткий взгляд и идет по коридору, не оборачиваясь.

Я остаюсь в лифте и чувствую, как надежда оседает где-то внутри, тихо и без шума.

Лифт спускается дальше. В подземном паркинге пусто и гулко. Он открывает мне дверь машины, закрывает, садится за руль.

Мы выезжаем.

Город живет обычной жизнью. Люди спешат по делам, пьют кофе, ругаются по телефону. Я смотрю в окно и держусь за одно: врач. Люди. Камеры.

Машина сворачивает. Забор. Шлагбаум. Охрана. Табличка клиники.

Он тормозит, показывает документы. Шлагбаум поднимается.

Я выпрямляюсь на сиденье и сжимаю ремень пальцами.

Глава 11

Клиника выглядит так, будто сюда приходят не просто «провериться». Высокие стеклянные двери, белый камень, теплый свет без резкости. Тишина – не больничная, а дорогая. Здесь даже запах другой: чистота и что-то сладковатое, как в отеле.

Он паркуется в подземном боксе, выводит меня к лифту. Не берет за руку, не подталкивает. Просто идет рядом так, что я все равно двигаюсь по его траектории.

На ресепшнере две девушки в форме. Улыбки ровные, отработанные. Я успеваю заметить их глаза – цепкие, живые – и думаю, что можно было бы... подойти, сказать хоть что-то. Но все происходит слишком быстро.

– Прошу, вас ждут, – произносит одна из них и провожает к кабинету.

Нас не просят заполнить бумаги. Не задают лишних вопросов. Коридор мягко глушит шаги. Мы проходим мимо закрытых дверей, мимо людей, которые сидят в креслах с чашками кофе, будто ждут не врача, а встречу. Никто не смотрит на меня долго.

Дверь кабинета открывается почти сразу.

Врач – мужчина лет пятидесяти, ухоженный, спокойный. Белый халат сидит так, будто егошили на заказ. Он встает, жмет руку ему, кивает мне.

– Проходите. Садитесь. Чем могу помочь?

Я открываю рот, но он отвечает раньше меня, спокойно, уверенно:

– Беременность. Срок небольшой. Мне нужно, чтобы все было под контролем.

«Мне». Не «нам». Не «ей». Мне.

Врач кивает так, будто слышит это каждый день.

– Конечно. Давайте посмотрим. Анна, вы на кушетку?

Я подхожу, снимаю обувь, сажусь. Сердце бьется быстрее, чем надо. Я бросаю взгляд на него, пытаюсь намекнуть глазами: выйди. Пожалуйста. Мне нужно остаться одной.

Врач замечает этот взгляд и улыбкой сглаживает неловкость.

– Муж может остаться, если вам так спокойнее, – произносит он мягко, как будто делает мне одолжение.

Мне не спокойнее. Мне хуже.

Мужчина не двигается. Садится чуть в стороне, но так, чтобы видеть. Спина ровная, руки на коленях. Слишком собранный.

– Ложитесь, – просит врач.

Он осматривает быстро, профессионально, задает пару вопросов: тошнит ли, бывают ли боли, какие лекарства принимаю. Я отвечаю коротко.

– Можно сделать УЗИ, – предлагает он. – Если вы хотите. Это не обязательно, но... для спокойствия.

Я хочу сказать «нет», потому что рядом он, потому что стыдно, потому что не хочу делить с ним это. Но слово «УЗИ» цепляет. И внутри, где я все время держала страх, вдруг появляется другое.

– Да, – говорю.

Меня переводят на другой стол. Я стягиваю вверх ткань кофты. Живот еще небольшой, но я все равно чувствую себя голой. Кожа реагирует на воздух. Я стараюсь дышать ровно, чтобы не дрожали пальцы.

Врач готовит аппарат, на экране загорается серое поле. Я отворачиваюсь, чтобы не видеть, как он берет гель, но все равно чувствую холод на коже.

– Сейчас, – произносит врач. – Смотрите.

На экране появляется что-то неясное, как тень. Потом контуры становятся четче. Маленький силуэт. Движение. Едва заметное, но настоящее.

У меня сжимает горло. Я забываю, где я. Забываю, кто рядом. Смотрю, пока глаза не начинает щипать.

– Все хорошо, – спокойно говорит врач. – Сердцебиение ровное. Срок соответствует.

Я не сразу замечаю, что он тоже смотрит. Не на врача. Не на меня. На экран. И его лицо меняется на секунду – совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы это ударило.

Он не улыбается. Не смягчается. Но взгляд становится другим. Тяжелее. Теплее. И от этого мне делается страшно.

– Что ей принимать? – спрашивает он, и голос звучит ровно, будто речь о контракте. – Витамины, железо? Что по режиму?

Врач отвечает спокойно: фолиевая кислота, витамины, больше отдыха, меньше стресса.

– Никаких нагрузок? – уточняет он.

– В рамках нормы можно, – отвечает врач. – Если самочувствие позволяет.

Он кивает, будто отмечает.

Я уже сажусь, натягиваю кофту, пытаюсь закрыться быстрее.

И тут он задает следующий вопрос.

– Есть ли ограничения по интимной жизни?

Я замираю, будто меня ударили.

Врач даже не меняется в лице.

– На ранних сроках, если нет угроз и жалоб, интимная жизнь допустима. Более того, умеренная близость может даже благоприятно влиять на эмоциональный фон. Главное – без резкости и с учетом самочувствия.

У меня в ушах шумит. Я смотрю на своего похитителя, и в этот момент мне кажется, что воздух в кабинете становится плотнее. Он не говорит ничего. Просто кивает врачу – как человеку, который дал нужную информацию.

Я слезаю со стола слишком быстро, почти спотыкаюсь.

– Мне надо... – выдыхаю и не договариваю.

Дверь я нахожу сама. Коридор плывет. Я иду быстро, почти бегом, пока не вижу табличку туалета.

Дверь захлопывается за мной со стуком, и только здесь я позволяю себе вдохнуть глубже. Руки дрожат. Я подхожу к раковине, включаю воду, смачиваю запястья.

Поднимаю глаза – зеркало показывает бледное лицо.

Я поворачиваюсь, оглядываю помещение и только сейчас замечаю: окно.

Невысокое. Близко к полу. И за ним – светлый двор клиники.

Первый этаж.

Глава 12

Холод тянет снизу. Я опускаюсь на корточки и упираюсь ладонями в подоконник. Первая рама поддается сразу, легко, будто специально. Я делаю вдох глубже и хватаюсь за вторую – она двойная, внутренняя. Дергаю. Ничего.

Еще. Сильнее. Пальцы скользят по пластику. Рама стоит, как влитая.

Я меняю хват, упираюсь коленом в стену, тяну на себя так, что боль отдает в запястье. Досада поднимается быстро, почти злостью. Не сейчас. Только не сейчас.

Рама чуть дрогнула, или мне показалось. Я дергаю снова, до скрипа.

Дверь за спиной открывается.

Я оборачиваюсь резко, хватка срывается, рама хлопает обратно.

В проеме стоит медсестра. Молодая, аккуратная, с мягкой улыбкой, как будто она пришла спросить, все ли у меня в порядке. Глаза спокойные, голос ровный.

– Анна? Вам помочь?

Мое имя звучит так буднично, что мне на секунду кажется: вот он, шанс. Я делаю шаг к ней сразу, не думая.

– Помогите мне, пожалуйста, – говорю быстро, почти шепотом, чтобы не сорваться на крик. – Мне нужно выйти. Я не могу... я не с ним. Пожалуйста.

Я вижу, как у нее на лице мелькает понимание. Она кивает. Даже улыбается чуть теплее, будто успокаивает.

– Конечно, – говорит она. – Пойдемте. Я провожу вас к мужу. Он сказал, что вам нехорошо.

Я замираю. Слова доходят не сразу. «К мужу». Не «к врачу». Не «к выходу». К мужу.

– Нет... – выдыхаю я, но это звучит жалко.

Она уже подходит ближе и берет меня под локоть так, как берут пациента после процедуры. Мягко. Уверенно. Без нажима, но отнять руку не получается, будто так и должно быть.

– Не волнуйтесь, – говорит она тихо. – Сейчас вам дадут воды. Вам нельзя перенапрягаться.

Меня снова накрывает тошнота – не телесная, а от бессилия. Я оглядываюсь на окно. Оно рядом. Оно почти было моим.

Медсестра выводит меня в коридор, и все вокруг сразу становится слишком правильным: белые стены, мягкий свет, тихие шаги. Я пытаюсь остановиться, но она ведет дальше, словно у нее маршрут.

У стойки медсестры уже суетятся, как будто их предупредили. Кто-то пододвигает мне кресло. Приносят стакан воды. Они смотрят на меня с сочувствием, не задавая вопросов.

И он появляется почти сразу – словно стоял за углом и ждал.

Подходит спокойно, без спешки. Садится рядом, слишком близко. Его рука ложится мне на плечи так естественно, что со стороны это выглядит заботой.

– Все хорошо, – говорит он медсестрам. – Она просто переволновалась.

Я сжимаю стакан, вода дрожит у края.

– Да, дорогая? – добавляет он уже тише, склоняясь ко мне.

Я не отвечаю. У меня горит лицо, и это бесит сильнее всего, потому что горит не от стыда перед медсестрами. От его близости.

Он целует меня в висок. Спокойно, по-хозяйски, как будто имеет на это право. И я вздрагиваю, потому что тело реагирует быстрее, чем голова успевает возмутиться.

– Вам нужно поесть, – говорит одна из медсестер участливо.

– Мы все сделаем, – отвечает он за меня.

Стакан забирают, кто-то поправляет на мне рукав, будто я маленькая. Я пытаюсь поймать взгляд хоть одной из них – чтобы увидеть сомнение, вопрос, хотя бы паузу. Но они уже заняты своим: улыбками, заботой, делом.

Он встает первым и помогает мне подняться, поддерживая под локоть. Я могла бы дернуться, вырваться, сказать громко. Но горло будто забито ватой. И рядом слишком много людей, которые смотрят на нас как на пару, а не как на похищение.

Мы идем к выходу. По пути он не говорит ни слова. Только держит рядом, не хватая, но не отпуская. Охранник у двери кивает ему, пропускает.

В подземный паркинг мы спускаемся на лифте. Двери закрываются – и будто снова выключают воздух.

В кабине он стоит рядом. Не касается. Но я все равно чувствую его, как стену.

Паркинг пустой и гулкий. Машина там же. Он открывает мне дверь и ждет, пока я сяду. Потом наклоняется.

Ремень проходит по груди, шелкает в замке. Он делает это сам, медленно, спокойно, будто специально не торопится. Его дыхание рядом. Запах – терпкий, знакомый до неприятного щемления.

Я зажмуриваюсь.

И в эту секунду меня будто цепляет изнутри: этот запах я уже знала. Не здесь. Не сегодня. Раньше.

Мысль вспыхивает и тут же тухнет. Я не верю себе. Не могу.

Он закрывает дверь, обходит машину, садится за руль. Заводит двигатель.

Мы выезжаем.

Он смотрит вперед, руки на руле ровные.

– Больше так не делай, – говорит он спокойно, будто предупреждает ребенка, который полез туда, куда нельзя.

Машина набирает скорость, и клиника остается позади – белая, чистая, такая правильная.

Я была среди людей. Просила помощи. Почти открыла окно.

И все равно снова еду с ним.

Глава 13

Сергей

В офисе давно темно, но мне все равно. Свет горит только в переговорной и в комнате охраны на этаже ниже. Я хожу из угла в угол, пока Павел с людьми снова и снова прогоняет по кругу списки, номера, маршруты. Запах кофе здесь вьелся в воздух, как табачный дым. Пусто. Тихо. Ни звонков. Ни условий. Только мои люди и чужая тишина.

Павел заходит без стука, как будто мы давно перешли границу обычного рабочего дня.

– Сергей Романович, есть зацепка, – произносит он и кладет на стол флешку. – По машине.

Я останавливаюсь.

– Говори.

– Мы подняли камеры не только у ЗАГСа. Соседние улицы, выезды, перекрестки. Вот.

Он включает запись. Картинка зернистая, угол неудобный – камера на фасаде магазина, смотрит на дорогу сбоку. Я вижу белый седан, тот самый, что стоял у служебного выхода. Он трогается резко, вклинивается в поток, уходит влево.

– Это она? – спрашиваю я, хотя понимаю, что вопрос бессмысленный.

– Машина та же. Номер подложный, но по меткам на кузове и по дискам совпадает, – отвечает Павел быстро. – Дальше ведем ее по цепочке, пока не теряем.

Я смотрю на экран, не моргая. Кадры сменяются. Седан снова появляется, уже на другой улице. И вот там, чуть дальше, в соседнем ряду, мелькает еще одна машина. Черная. Знакомая форма кузова. Наклейка на заднем стекле, которую я сам когда-то хотел снять.

У меня внутри что-то стягивается.

– Стоп, – говорю.

Павел ставит на паузу.

Я наклоняюсь ближе.

– Ржавый, – произношу глухо. – Он был там.

Павел молчит секунду, будто ждет, что я сам это переварю. Потом кивает на экран.

– Седан мы пробили. По базам он проходит через человека из окружения Баратова. Слова падают ровно. Без эмоций.

– На человека Баратова? – повторяю я.

– Да. Официально – охранное агентство, подряд. Неофициально... вы понимаете.

Я медленно выпрямляюсь.

– Где сейчас этот седан? – спрашиваю.

– Мы потеряли его на выезде из города. Камеры там реже. Но мы нашли, куда он мог уйти по трассе. И... – Павел делает паузу. – Все концы ведут к Баратову.

Он говорит это осторожно, будто подбирает слова, хотя знает, что меня уже не остановить.

– Собирай людей, – отвечаю коротко.

– Сергей Романович...

Я смотрю на него.

– Павел. Мы едем.

Он выдыхает, будто проглатывает возражение.

Через двадцать минут мы в машине. Фары режут темную дорогу. Город остается позади, и у меня внутри все сжимается от ощущения, что я уезжаю не туда. Что Аня где-то в другом направлении. Но у меня есть след. И пока этого достаточно.

Павел сидит рядом, отдает по телефону короткие команды. Люди едут за нами двумя машинами. Я смотрю вперед и держу руки на руле так, чтобы не выдать, как дрожат пальцы.

Особняк Баратова появляется в конце длинной аллеи. Свет в окнах горит, но во дворе не привычная охрана, а чужие машины. Синие мигалки режут тьму, как лезвия. Люди в форме. Двое тащат кого-то к воротам.

– Что за... – Павел не договаривает.

Я выхожу первым. Холод сразу бьет в лицо. Снег под ногами скрипит. В воздухе запах бензина и металла.

Баратов стоит у крыльца, руки заведены за спину. Лицо перекошено не страхом – злостью. Он видит меня и ухмыляется так, будто все это спектакль для меня.

– Ну здравствуй, щенок, – бросает он. Голос сиплый, но уверенный. – Думаешь, победил?

Я подхожу ближе.

– Я к тебе не побеждать приехал, – говорю ровно. – Я пришел за своим.

Он смеется коротко.

– Что доволен? – он сплевывает в снег. – Думаешь, если меня прижали, все кончено? Я еще доберусь до тебя. Слышишь? Я еще...

Его дергают, и слова рвутся.

Я смотрю, как его увозят, и в голове пусто. Если это не он... если его сейчас берут люди не мои... значит, кто-то снял его с доски раньше меня. И сделал это так, чтобы я увидел.

Павел подходит ближе, тихо:

– Сергей Романович, не наша операция. Мы тут ни при чем.

– Я знаю, – отвечаю, и это не приносит облегчения.

Я возвращаюсь в машину. Дорога назад кажется длиннее. Павел что-то говорит по связи, но я почти не слышу.

В голове крутится одно и то же: авто у ЗАГСа. Машина Ржавого. Человек Баратова. Арест Баратова.

Объяснений не будет, если я не выбью их сам.

Я знаю адрес Ржавого наизусть, отпускаю людей – мне нужны ответы, а не штурм, и еду туда один.

Подъезд темный, обычный. Я поднимаюсь на его этаж и жму на звонок. Один раз. Второй. Третий. Долго.

Тишина.

Я стучу кулаком, уже не заботясь о соседях.

Наконец щелкает замок.

Дверь открывается на цепочку. В проеме появляется лицо Ржавого – усталое, собранное, слишком спокойное для человека, который «ни при чем».

Он смотрит на меня несколько секунд, как будто оценивает, сколько я уже знаю.

– Сережа, – произносит он тихо. – Поздно ты.

Цепочка звенит, и он распахивает дверь шире.

Глава 14

Дверь распахивается, но не до конца – ровно настолько, чтобы я мог войти. В прихожей пахнет чем-то нейтральным: освежителем и растворимым кофе. Свет горит только в коридоре. Дальше – полумрак.

Ржавый не отходит в сторону. Стоит в проеме, как в рамке.

– Поздно, – повторяет он, и голос у него ровный, будто речь о пробке на трассе.

Я делаю шаг внутрь. Он смещается следом – не преграждает явно, но и не пропускает. Плечи собраны, взгляд короткий, колючий.

– Я был у Баратова, – говорю сразу. – Его сейчас пакуют.

Ржавый моргает медленно. Ни удивления, ни вопроса.

– Его взяли? – спрашивает так, словно уточняет погоду.

Это режет сильнее, чем любой крик.

– Взяли, – подтверждаю. – И это не моя работа.

Он кивает. Без напряжения. Просто отмечает факт.

– Значит, не он, – произносит тихо.

Я смотрю ему в глаза.

– Не он, – повторяю. – Но седан, который увез ее со служебного, проходит по базам через людей Баратова. И рядом на камере твоя машина. Ты был там, Степан.

Ржавый чуть сжимает челюсть. Едва заметно. И снова – ни оправданий, ни злости.

– Ты хочешь, чтобы я подтвердил то, что ты сам уже решил? – спрашивает он.

– Я хочу, чтобы ты сказал правду, – отвечаю. – Ты знаешь меня с детства. Знаешь о моих чувствах к Ане. И если ты сейчас стоишь здесь и молчишь – значит, тебе известно намного больше, чем ты признаешься.

Он выдыхает через нос, как человек, которому мешают сделать то, что он считает правильным. Не отводит взгляд, но и не впускает меня глубже.

Из квартиры доносится какой-то звук. Не шаг. Не голос. Тупой короткий стук – будто кто-то неудачно поставил предмет на пол. Слишком тихо, чтобы привлечь внимание случайно. И достаточно четко, чтобы я это услышал.

Я замолкаю на полуслове.

– Ты один? – спрашиваю.

Ржавый отвечает слишком быстро.

– Один.

Он даже не оборачивается. Не делает привычного движения плечом, когда человеку что-то мешает. Просто стоит и смотрит на меня так, как смотрят на человека, который может сорваться.

– Тогда почему ты не пускаешь меня? – произношу я.

– Потому что мне нечего тебе показывать, – отвечает он ровно. – И нечего обсуждать.

– Ты врешь, – произношу, не повышая голоса.

Его глаза темнеют. Он делает шаг ближе – не нападение, предупреждение. Мы стоим почти вплотную, и я чувствую, как он напрягается, удерживая себя в рамках.

– Сережа, – говорит он тихо. – Тебе лучше забыть ее.

Слова не звучат как совет. Скорее приказ, приговор.

– Я не забуду, – отвечаю резко. – Не смогу. И не буду.

– Сможешь, – бросает он. – Если останешься живым.

Я на секунду даже не верю, что он сказал это вслух.

– Ты мне угрожаешь? – спрашиваю.

– Я предупреждаю, – отвечает Ржавый. – Ты лезешь туда, где у тебя нет ни прав, ни возможностей. Ты думаешь, это про любовь. А это... – он делает паузу, подбирая слово, и не находит. – Это не то, что ты контролируешь.

Снова звук из глубины квартиры. Тише. Как будто кто-то понял, что его услышали, и замер. У меня внутри поднимается холодное, цепкое.

Ржавый замечает мой взгляд, но не двигается. Только сильнее расправляет плечи, закрывая собой коридор.

– Если с ней что-то случится, – произношу я медленно, – я не прощу никого. Ни тебя. Ни себя. Я пойду до конца. За нее. Против любого, кто встанет на пути.

– Даже против близких? – спрашивает он.

– Даже против близких, – отвечаю.

Он смотрит долго, будто проверяет, не шучу ли. Потом кивает один раз – как человек, который услышал то, что боялся услышать.

– Тогда уходи, – требует он. – Прямо сейчас.

– Скажи мне хотя бы одно, – я делаю шаг вперед. – Она жива?

Ржавый молчит секунду. Время тянется, как резина. Потом он кивает – едва заметно.

– Уходи, Сережа, – повторяет тише. – Пока можешь.

Я выхожу, не отводя от него взгляда. Дверь закрывается почти сразу. Замок щелкает. Слишком быстро, как будто он торопится закончить разговор.

На лестнице тихо. Только мое дыхание и гул стояка в стене. Я стою, глядя на его дверь, и чувствую, как внутри поднимается злость – не горячая, а холодная, тяжелая.

Если он ни при чем – ему нечего прятать.

Я спускаюсь быстро, почти бегом. В машине закрываю дверь, сжимаю телефон, набираю Павла.

– Сергей Романович? – отвечает он сразу.

– Ставь наблюдение за Степаном, – говорю ровно. – Квартира. Передвижения. Контакты. Круглосуточно.

Павел молчит секунду.

– Понял.

– И никому, – добавляю. – Даже своим.

– Принял.

Я отключаюсь и долго смотрю в темное лобовое стекло.

Глава 15

В офисе тихо так, что слышно, как где-то в глубине здания закрывается дверь. На часах поздно, но я не считаю время. Здесь проще. Нет пустых бокалов на столе и завядших цветов, а еще ее одежды в шкафу и чужих взглядов.

На столе папка с пометками охраны, распечатки, номера, схемы. Я смотрю на них, как на карту, по которой все равно нельзя дойти туда, куда нужно. Телефон лежит рядом. Молчит.

Дверь открывается без стука. Павел. Он идет быстро, но не суетится – умеет держать лицо, даже когда новости плохие.

– Сергей Романович, – произносит он и кладет на стол планшет. – Есть информация по Степану.

Я устало поднимаю взгляд, не надеясь услышать ничего хорошего.

– Говори.

– Наблюдение выставили сразу после вашего звонка. Он дома. Свет горит. И... – Павел делает паузу, выбирая формулировку. – Он не один.

Слова ложатся ровно, но внутри у меня что-то дергается. Я даже не сразу понимаю, за что цепляюсь: за «не один» или за «он дома». Как будто это что-то меняет.

– Кто? – спрашиваю.

Павел включает запись. Картинка темная, снята из соседнего подъезда. Угол неудачный: расстояние, свет фонаря режет кадр полосой. И все же в окне отчетливо видно женщину.

– Вот, – говорит Павел. – По времени – час назад. Силуэт женский.

Я наклоняюсь ближе. Смотрю так, будто если вопьюсь глазами в экран, смогу вытащить оттуда лицо.

Невысокая. Узкие плечи. Волосы собраны или спрятаны – не разобрать. И движение... Кажется, она делает шаг или жест – будто хочет привлечь внимание. В следующую секунду в кадре появляется мужчина, и портьеры закрываются.

В горле становится сухо.

– Это может быть кто угодно, – спокойно говорит Павел, и в его голосе слышится то, что он не произносит вслух: «не делайте выводов». – Качество плохое. Времени мало. Она в кадре две секунды.

– Похожа, – произношу я.

Павел не спорит.

– Немного, – подтверждает он. – Но мы не видим лица. И нет подтверждений, что это Анна. Он мог быть не один по любой причине.

Я выпрямляюсь. Отодвигаю планшет от себя, как будто он мне мешает думать. Все это слова, которые ничего не объясняют.

– Он был у ЗАГСа, – говорю. – И потом рядом с машиной Баратова. Теперь у него дома женщина, похожая на Аню.

Павел молчит секунду, потом аккуратно:

– Вы хотите ехать к нему?

– Да.

Он чуть напрягается.

– Сергей Романович, мы ведем. Мы можем подождать. Установить, кто входит и выходит. Подтянуть людей. Аккуратно.

– Аккуратно я уже потерял, – отвечаю. Голос звучит ровно, но я чувствую, как внутри поднимается раздражение. Не на Павла. На ситуацию. На то, что мне все время предлагают «подождать», когда я и так ждал слишком долго.

Павел смотрит на меня прямо.

– Без подтверждений – это риск. Это может быть ловушка. Или просто... – он делает паузу. – Просто его личная жизнь.

– У него нет личной жизни, – отрезаю я. – Он либо со мной, либо против меня. И если он сейчас прячет ее, мне не нужны подтверждения.

Павел открывает рот, но я уже беру куртку.

– Я поеду один, – бросаю через плечо.

– Сергей Романович...

Я останавливаюсь на секунду, смотрю на него.

– Ты остаешься здесь. Слежку не снимай. И если я не возьму трубку через час, поднимай людей. Но сейчас – я еду.

Он кивает, хотя видно, что ему это не нравится.

Дорога до дома Ржавого занимает меньше, чем обычно. Город будто специально освобождает мне полосу: редкие машины, пустые светофоры, мокрый асфальт под фарами. Я держу руки на руле крепко, чтобы не сорваться и не превышать скорость.

В голове один кадр – темная запись, две секунды движения. Узкие плечи. Поворот головы. Похожа.

Я сворачиваю в его район, уже вижу знакомые дворы, когда телефон вибрирует на панели. Номер незнакомый. Никаких подписей. Просто цифры.

Я беру трубку сразу.

– Да.

Несколько секунд – тишина. Такая, что слышно, как работает двигатель.

Потом голос. Низкий. Спокойный. Без приветствия.

– Не делай глупостей.

Я нажимаю на тормоз сильнее, чем нужно. Машина клюет носом, я выравниваю.

– Кто ты такой? – спрашиваю резко.

– Ты идешь по ложному следу, – продолжает голос так же ровно, будто диктует инструкцию.

У меня сжимается челюсть.

– Я спросил, кто ты.

Пауза. Короткая. Но в ней что-то есть.

– Сергей, послушай меня.

Мое имя звучит не как обращение. Как подтверждение, что меня видят. Знают.

Я замерзаю изнутри, хотя в машине тепло. Пальцы на руле каменеют.

– Кто ты? – повторяю уже тише.

Снова пауза. И в этой паузе у меня вдруг всплывает не образ, не лицо – интонация. Манера говорить, когда не повышают голос, но спорить бессмысленно. Когда ты маленький, а тебе объясняют, что будет так, как сказали.

Я почти шепчу, не веря себе:

– Отец?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.